

Он жил, не зная, жив ли он,
Переходя тысячекратно
От жизни к смерти и обратно...

Эндрю Марвелл (Англия, XVII век)

Я — довольно молодой бог...
Максим Леонидов (Россия, век XXI)

Вместо предисловия

Это странное письмо вынырнуло из каких-то неведомых и потаённых глубин социальных сетей. Адресованное мне, оно было отправлено с загадочного аккаунта, носившего длинное-предлинное имя, состоявшее только из цифр. В письме содержался файл, который назывался «Прощание с Гипербореей», и его предваряла короткая запискоманда: «Опубликуй это!» Ни ответа, ни привета, ни каких-либо данных об авторе.

Я тогда был очень увлечён проектом «Ковдор — столица Гипербореи», который группа энтузиастов реализовывала за Полярным кругом, в небольшом городке Мурманской области, и подумал, что присланное как-то с этим северным городом связано, поэтому совершенно не удивился. Когда же я прочитал подзаголовок «Первая книга оттуда» и проскочил первые главы, у меня появилось очень много вопросов. Однако все мои попытки связаться с аккаунтом 3,1415926535897932384626433.com оказались обречены на провал: такого аккаунта уже не существовало, несмотря на то что всего несколько минут назад письмо мне было отправлено именно с него.

Я пытался найти человека, отправившего мне это письмо, при помощи самых разных экспертов, даже представителей силовых структур, которых знал ещё со времён войны в Чечне. Я отвлекал их от того, что сегодня называется специальной военной операцией на Украине, и очень убедительно уговаривал помочь мне найти автора. Они куда-то пропадали на несколько дней, а потом беспомощно разводили руками и удивлённо говорили мне что-то типа: «Первый раз такое вижу, помочь ничем не могу».

Тогда я отправился за помощью к моему другу, повелителю социальных сетей, весьма авторитетному персонажу в этих делах, человеку умному, креативному, но чрезвычайно ранимому и одинокому. Чтобы скрасить своё одиночество, он даже стал депутатом и прошёл в парламент от одной весьма маргинальной партии, что, правда, ему тоже не помогло. Одинокий человек похлопал себя по пузу, почесал лысину, выпил стакан виски и благосклонно махнул рукой — мол, вычислим автора, не переживай! Но прошло несколько дней, и он заговорил по-другому.

— Ну зачем, зачем вообще тебе понадобилось выяснять, кто это пишет?! — неожиданно возмутился он, бегая по комнате и взмахивая руками, как будто собирался взлететь. Это могло означать только одно: он бессилён чем-то помочь. — Ну попробуй подойти к этому вопросу философски: какая вообще разница, кто это написал? — Повелитель социальных сетей остановился и важно

постучал кредитной карточкой по фарфоровой тарелке, украшенной звездой на дне. — Важно ведь, не кто написал, а что!

Он возмущённо фыркнул и решительным шагом устремился на балкон своего красивого дома в Старомонетном переулке, чтобы дать мне таким образом понять, что разговор закончен.

— Это же просто замечательно! — прочитав первые две главы, воскликнула моя старинная подруга, замечательная певица и заслуженная артистка России. Она, женщина яркая, заметная и фантастически красивая, недавно громко вышла замуж и справедливо считала, что все её друзья должны тоже быть счастливы. — Сделай из этого учение и выступай с концертами! Сейчас ведь такое непростое время! Никто не понимает, что делать и как быть. А у тебя здесь рассказано, как надо жить и почему всё это в мире происходит.

Всю дорогу, пока ехал от Николиной Горы, я думал над этими словами. Может, и вправду странным образом попавший ко мне текст тянет на учение или основу для модного ныне коучинга?

Когда спустя несколько дней я уже всерьёз начал размышлять над этим, текст прочитал ещё один мой друг.

— Сделай из этого книгу, чего ты мучаешься! — посоветовал мне этот друг, снабжавший могущественные кремлёвские башни необходимой аналитикой, выразительными диаграммами и позитивными цифрами. Он почесал редкую бородку клинышком и, сверкнув стёклами очков, загадочно

проговорил: — Очень необычно. Неужели действительно тебе такое прислали?

Он, как человек учёный, привык во всём всегда сомневаться, а особенно в текстах, присланных с подозрительных аккаунтов. С другой стороны, в какой-то момент я уже начал думать, что сомневается мой друг совсем в другом — не сам ли я написал этот текст, а теперь морочу ему голову. Я успокоил его, сказав, что текст писал не я, и, кажется, слегка его этим разочаровал.

Спустя несколько месяцев, так и не сумев отыскать загадочного автора, я распечатал «Прощание с Гипербореей» на принтере, сложил листы в папку для бумаг и отправился в одно известное книжное издательство.

Меня встретил очень обходительный ответственный редактор отдела современной прозы Семён Эдуардович Кацнельсон. Он читал быстро, профессионально, решительно переворачивая лист за листом. В каких-то местах он улыбался, в каких-то бесшумно шевелил губами, а в каких-то откровенно грустил. Когда Семён Эдуардович перевернул последний лист, он стал совсем грустным и печально произнёс:

— Это очень хорошо.

— Если хорошо, почему же вы говорите об этом так грустно? — удивился я.

— Очень неразумная затея всё это издавать. — Семён Эдуардович горько вздохнул и проговорил сокровенное: — Если даже не вспоминать о том, что вообще вокруг происходит... Понимаете, ежегодно

в Москве выпускается сто тысяч совершенно новых книг общим тиражом более миллиарда экземпляров. Откровения вашего таинственного автора, даже если они действительно несут что-то важное для человечества, скорее всего, просто останутся незамеченными на этом гигантском книжном рынке. Поверьте моему многолетнему опыту. Так стоит ли пытаться?

И я был с ним согласен. Даже если бы сегодня Всевышний вдруг решил впервые издать вместе с Семёном Эдуардовичем Кацнельсоном Библию и сам участвовал в её презентации в книжном магазине где-нибудь на Новом Арбате, он в лучшем случае мог бы рассчитывать на пару селфи с несколькими случайными посетителями, разыскивающими полку с учебниками по личностному росту.

Но я уже ничего не мог изменить. Я понимал, что стал заложником этой ненапечатанной книги, многие мысли из которой с каждым днём почему-то становились всё понятнее и ближе. «Опубликуй это!» — звучало во мне громогласным призывом неведомого автора, который очень хотел открыть людям глаза на важные, простые и неумовимые истины, которые сделали бы их жизни в тысячи раз лучше.

Очень много лет назад я смотрел пронзительный фильм Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки». Там персонаж совсем молодого Джека Николсона предлагает сбежать из сумасшедшего дома, разбив решётку окна мраморной колонкой из душевой. Ему справедливо возражают, что

колонка очень тяжёлая и её невозможно поднять. Но герой всё равно много раз пытается её поднять, хотя и безуспешно. После чего он говорит важные слова: «Ну я хотя бы попробовал!» И все понимают, что если ничего не пробовать, то ничего никогда и не получится.

В наше страшное и стремительное время искусственного интеллекта, виртуальных встреч, торжества цинизма, мировых эпидемий, масштабных революций, жестоких межнациональных конфликтов, уличных беспорядков и смертоносных войн, удивительным образом сочетающихся с тотальным контролем государственной власти над гражданами, время абсолютной закрытости людей друг от друга, но при этом их поразительной ранимости и доступности друг для друга — мы удивительным образом пропускаем что-то действительно важное и ценное, о чём потом обязательно жалеем.

Возможно, это как раз то, о чём написал неведомый автор, сочинение которого мне всё-таки удалось издать. Надеюсь, что тот, кому всё-таки захочется однажды раскрыть глаза на многие необъяснимые на первый взгляд явления, эту книгу обязательно найдёт и прочтает.

И главное, я хотя бы попробовал.

С уважением, Владимир Торин

1. Маскарад

Здравствуй! Я очень рад тебе! Поверь, хотя ты ничего обо мне и не знаешь. Поверь уже хотя бы потому, что ты — это я. Согласен, звучит странно. Конечно, мы не похожи друг на друга, мы совсем не похожи. Впрочем, многие из ваших мыслителей всегда были уверены в обратном. Мы постоянно вместе, мы не можем прожить друг без друга, я знаю о тебе всё и даже больше, чем ты знаешь о себе сам. Ты же о моём существовании смутно догадываешься, но ничего не знаешь наверняка. Ты иногда сочиняешь про меня невероятные истории и строишь смелые догадки.

Я сплетён из странной смеси твоих страхов, фантазий, волнений, тревог, сомнений и надежд. Если хочешь, можешь представить меня в виде ангела. Белокурого и с крыльями, как на полотнах Рафаэля. А можешь, наоборот, представлять меня в виде демона. Чёрного, с копытами и рогами. Или нет, лучше другого демона, такого лохматого красавца, как на картине Врубеля, который задумчиво сидит, обхватив мускулистыми руками колени. Так мне нравится больше.

Это забавно, но ты даже не подозреваешь, что все эти ангелы, демоны, боги, черти, привидения, судьба, фатум и прочие труднопредставляемые субстанции суть одно и то же. Просто игра какого-то могущественного и всесильного существа. Которое к тому же старше тебя лет примерно на сто. На сто тысяч лет.

Я был всегда с тобой и долго ещё буду с тобой. А потом ты умрёшь, а я буду жить ещё долгие тысячи лет. Но пока я с тобой. Для тебя важнее, что я был с тобой всегда. Например, я очень хорошо помню, как ты первый раз в жизни объяснялся в любви. И я был с тобой, когда эта любовь неожиданно прошла. В ту секунду я был ветром, который обжёт холодом твои мокрые щёки, когда ты думал, что тебя никто не видит, и плакал, сидя на скамейке в её дворе.

Я твой дальний, давно умерший родственник, которого ты вчера неожиданно увидел во сне. Я смеюсь, когда ты пытаешься вспомнить, что он тебе хотел сказать. Потому что я специально сделал так, чтобы ты не вспомнил. Но сегодня я делаю так, что ты всё вспомнишь. И воспоминание спасёт тебя. Но это случится чуть позже.

А ещё я кошмар твоего детства — ощущение, что мама, которая ушла в магазин и попросила тебя «посидеть тихо», кажется, уже больше никогда не вернётся. Боже, как ты тогда кричал от отчаяния в свои полновесные четыре года! Было очень забавно. А потом мама, конечно, вернулась, и ты плакал от счастья, обхватив её своими маленькими

руками и ногами. А ещё это я направлял твою руку тогда на экзамене, когда ты знал только один билет и вытащил именно его! Никакая это не «пруха» была, а просто я решил тебе помочь! О, как ты был тогда счастлив! И с Валею тоже. Помнишь? Это я заставил её тогда вернуться на твой дурацкий день рождения. И это звенящее ощущение абсолютного счастья и опустошённости после получаса неумелой возни и прерывистого дыхания — всё это я для тебя придумал!

Поэтому я для тебя — всё. Всё и ничего, потому что ты меня никогда не увидишь и не узнаешь. Тебе совершенно незачем знать, кто я и как меня зовут, потому что попытка познать моё имя почти наверняка отнимет у тебя весь остаток и без того не очень долгой человеческой жизни. Ну, только если не вмешается от скуки кто-нибудь из наших. Но всё равно, попробуй потратить свою короткую земную жизнь на что-нибудь другое. Важнее сейчас не кто я, а, например, кто ты. Как тебя зовут?

«Павел Сергеевич Корольков», — затравленно говоришь ты и начинаешь судорожно кашлять. Понимаю, неожиданно. Я, собственно, сам не понял, зачем полицейский ткнул тебя рукояткой дубинки под дых. Ты же не сопротивлялся, стоял, как было велено, нелепо растопырив ноги и положив руки на капот полицейского автомобиля. Зачем было бить?

А, теперь понимаю, в чём дело. Это Кукулькан вредничает. Соткался только что из воздуха

рядом. Придумал себе этот идиотский образ и вот уже три тысячи ваших земных лет в нём всячески развлекается. Бедняга Павел Сергеевич Корольков даже не подозревает, что рядом с ним сейчас важно расхаживает странный персонаж и управляет действиями полицейского. Персонаж этот — очень высокого роста, весь покрыт разноцветными перьями, как будто он — огромная птица, но лицо у него человеческое, обрамлённое большой косматой бородой. Над правым плечом у него угрожающе покачивается голова огромной кобры. Жёлтые немигающие глаза кобры внимательно смотрят на полицейского. Кукулькану нравится этот эффектный наряд, который, правда, видим только мы.

Впрочем, за прошедшие три тысячи лет Кукулькана несколько раз видели и обычные люди. Это происходило во время каких-то особенных и невероятных событий, о которых, наверное, здесь следует написать, и я обязательно это попозже сделаю. События эти всегда рождали большое количество легенд и предрассудков. Чтобы как-то задобрить этого вредного типа, сотни тысяч людей строили пирамиды в Южной Америке, приносили кровавые жертвы в храме, названном именем злого бога, про которого на всякий случай старались придумывать хорошие истории. Кукулькана это очень веселило. Он начинал кровавые войны, устраивал какие-то жуткие эпидемии, во время которых эти самые сотни тысяч восхвалявших его людей бесславно гибли.

Про эпидемию я, конечно, скоро тоже расскажу. Потому что без эпидемии вообще не случилась бы, наверное, вся эта история. Я просто начал издалека. Поэтому я и рассказываю тебе про Кукулькана. Иногда Кукулькан вредничает по мелочовке. Ну, как сегодня.

Полицейский подумал ещё мгновенье и вдруг решительно протянул Павла Сергеевича Королькова дубинкой по спине. Тот охнул и опустился на одно колено. Опускаясь, студент Высшей школы экономики Корольков задел картонный плакат «Мы — за свободные выборы!», лежавший на крыше машины, и плакат с грохотом упал на асфальт. Полицейский, казалось, сам удивился собственной жестокости, а удивляться, собственно, было нечему. Он просто не знал, да и не мог знать, кто сейчас управляет его действиями. Ну а после этого Кукулькан начал управлять студентом. Павел вдруг коротким тычком двинул полицейского в пах. Страж порядка сложился пополам, а Павел вскочил и бросился наутёк.

Шумела Тверская. Люди выкрикивали лозунги, полицейские пытались вразумить митингующих через мегафон. Вся площадь перед московской мэрией выделяла мегатонны драгоценного эфира в подрагивающий московский воздух. За Павлом побежали сразу несколько полицейских. Я пожалел парня и немного раздвинул толпу. Павел ломанулся в открывшийся проход. Полицейские — за ним.

Кукулькана я не люблю. И даже не в людях тут дело. Конечно, мы все знаем Канон, но зачем так,

по-мелкому, пакостить? Кукулькан взглянул на меня залитыми кровью глазами и прорычал что-то нечленораздельное.

Нет, ну а что? Хочешь потягаться, давай попробуем.

Павел сворачивает в переулок. Полицейские бегут за ним, смешно размахивая руками. Они в шлемах, в тяжёлой экипировке. Отстают. Ещё совсем немного — и можно будет скрыться за углом, в подворотне. Павел так и хочет сделать. Но Кукулькан взмахивает руками, студент неожиданно спотыкается и растягивается во весь рост на мостовой. Змея на плече Кукулькана удовлетворённо жмурит жёлтые глаза.

Тогда я открываю дверь одного из подъездов большого сталинского дома. Сломан домофон. Бывает. Корольков неожиданно вспоминает, что говорил ему сегодня ночью приснившийся и давно умерший дедушка: «Подъезд. Дверь подъезда! Она открыта! Беги туда». Студент бросается в спасительный подъезд. Мчится вверх по большой лестнице со старинными перилами. Полицейские сейчас тоже завернут за угол. И, конечно, поймут, что преследуемый наверняка в подъезде. И тут появляется Эо.

Эо — умница. Ей очень нравится человеческая любовь. Она просто купается в этой любви, которую творит повсеместно. Она спускается с неба, белые одежды её развеваются, а от лица исходит яркое сияние. Такой образ она себе выбрала. На мой взгляд, ничего особенного, попса какая-то. Что-то среднее между Богородицей и Верой Брежневой.

Ну, раз ей так нравится, пусть будет, я, вообще-то, не против! Дверь одной из квартир открывается, на лестничную площадку выглядывает юная девушка и видит запыхавшегося Королькова. Он кажется ей красивым и мужественным. Эдакий растрёпанный герой, попавший в беду.

Девушку зовут Марина, она художник. Ну, вернее, Марине хочется думать, что она художник, ведь надо, в конце концов, каждый вечер что-то рассказывать своим саратовским родителям, которые, волнуясь и перебивая друг друга, задают ей наивные, но очень трогательные вопросы ещё об одном, только что прожитом столичном дне Марины.

В этот момент неожиданно очень громко проворачивается ключ в соседской двери напротив. Девушка понимает, что попавшего в беду героя нужно срочно спасать, пока дверь соседской квартиры не открылась полностью. Марина принимает решение молниеносно и жестом приглашает героя войти. Корольков вваливается в спасительный проём, Марина, не оглядываясь, захлопывает за ним дверь. В эту же секунду в подъезд вваливаются полицейские. Грохочут берцами по ступеням, но Королькова в доступном им пространстве больше нет.

Эо машет мне рукой откуда-то с неба. Я улыбаюсь. Кукулькан плюёт невидимой слюной на московскую мостовую и перемещается на площадь — там ещё много интересного.

Вдруг я вспоминаю, что за всей этой суетой не успел воплотиться в какой-нибудь образ. Раз уж